

DOI 10.31483/r-102301

Шутова Наталья Вадимовна

Шуткина Жанна Александровна

Барсуков Александр Валерьевич

ЛИЧНОСТНЫЕ И ПОВЕДЕНЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ПОДРОСТКОВ, ИСПЫТЫВАЮЩИХ ТРУДНОСТИ В СОЦИАЛЬНОЙ АДАПТАЦИИ

Аннотация: глава посвящена изучению личностных и поведенческих особенностей подростков, испытывающих трудности в социальной адаптации. Рассмотрены теоретические подходы к понятию «социальная адаптация личности», даны характеристики видов адаптации, её структурным составляющим. Особое внимание уделено социально-психологической дезадаптации подростков. Даны классификации видов дезадаптации, выделены причины подростковой дезадаптации. На основе результатов констатирующего эксперимента, в котором принимали участие 142 подростка с нормотипичным развитием и девиантным поведением были сделаны выводы, что у подростков с девиантным поведением снижена компетентность в плане установления близких дружеских отношений, что затрудняет понимание другого человека. Они имеют сниженный интерес как к себе, так и к другим людям. У таких подростков выражены нарушения в самопринятии и самопонимании, что, безусловно, затрудняет их социализацию в обществе.

Ключевые слова: Подростки, социальная адаптация, дезадаптация, девиантное поведение, личностные и поведенческие особенности.

Abstract: the chapter is devoted to the study of personal and behavioral characteristics of adolescents experiencing difficulties in social adaptation. Theoretical approaches to the concept of "social adaptation of personality" are considered, characteristics of types of adaptation, its structural components are given. Special attention is paid to the socio-psychological disadaptation of adolescents. Classifications of types of disadaptation are given, the causes of adolescent maladaptation are highlighted. Based on the results of an ascertaining experiment in which 142 adolescents

with normotypic development and deviant behavior took part, it was concluded that adolescents with deviant behavior have reduced competence in terms of establishing close friendships, which makes it difficult to understand another person. They have a reduced interest both in themselves and in other people. Such adolescents have expressed violations in self-acceptance and self-understanding, which, of course, makes it difficult for them to socialize in society

Keywords: *adolescents, social adaptation, disadaptation, deviant behavior, personal and behavioral characteristics.*

Сегодня многие исследователи констатируют, что социально-экономические процессы, происходящие в социуме, снижение качества образования, размытость социокультурных ориентиров, снижение воспитательных возможностей семьи, приводят к трудностям в социальной адаптации подростков. Подростничество относится к критическому периоду психического развития, когда в относительно короткий промежуток времени происходят кардинальные изменения в формировании личности. В данный период значительно расширяется объем деятельности подростка, качественно изменяется ее характер [22]. Здесь закладываются основы сознательного поведения, происходит перестройка всех систем взаимоотношений с социальной средой, переосмысление жизненных позиций, установок. Поэтому именно в подростковом возрасте в силу дисгармоничности личности могут возникать объективные предпосылки для возникновения деструктивного поведения. В представленном исследовании основное внимание уделено именно социально-психологической адаптации подростков, как процессу, позволяющему развивающейся личности осваивать значимые ролевые и социально-психологические функции, приобретать социальный опыт взаимодействия с окружающими людьми. Мы согласны с мнением ряда авторов отмечающих, что в процесс данной адаптации подростки стремятся к достижению баланса внешних и внутренних условий собственной жизнедеятельности [1; 2; 6; 9; 13; 20].

В контексте данного исследования важно остановиться на основных характеристиках социально-психологической адаптации.

М.Л. Блинова [5] выделяет прогрессивную адаптацию, при которой возможно единство интересов и целей, как личности, так и социальных групп и общества в целом. Именно данный вид адаптации приводит к всесторонней социализации личности. При этом адаптация может быть и регрессивной (формальной) при которой личность лишь формально принимает общественные требования и нормы, что ограничивает развитие её потенциала и приводит к сложностям взаимодействия с социумом.

В качестве факторов адаптации, кроме личного опыта, состояния, интеллекта, имеющейся информации, принято выделять систему характеристик, которые позволяют личности наиболее быстро и адекватно разрешать проблемные ситуации, тем самым нормализуя собственное взаимодействие с окружающей средой – адаптивность [8].

Сущность адаптивности заключается в способности организма приспосабливаться (адаптироваться) к изменяющимся условиям внешней и внутренней среды, с помощью разнообразных приспособлений и механизмов.

По мнению А.А. Налчаджян [14] в одних и тех же жизненных ситуациях и условиях люди могут адаптироваться по-разному, и во многом это определяется их адаптивными способностями, которые имеют большие индивидуально-психологические различия.

В исследованиях И.Н. Симеовой [20] адаптивность личности представлена интегральным структурным образованием, включающим «оптимальный уровень интернальности, антиципационную состоятельность, коммуникативную компетентность и др.», сформированным в реальных условиях и проявляющимся в эффективной адаптации.

Тюрина Н.В. считает, что адаптированность может быть: внутренней, когда внешние формы поведения личности и ее деятельность изменяются и приходят в соответствие с требованиями окружающей среды (полная адаптация); внешней, когда личность сохраняет свою самостоятельность, не перестраиваясь

внутренне; смешанной, когда личность отчасти подстраивается под внешнюю среду, но в то же время сохраняет свою самостоятельность, свое «Я» [21]:

Во многих исследованиях, которые посвящены проблеме адаптации, рассматривается понятие адаптационный потенциал личности. Адаптационный потенциал – это способность скрытых возможностей человека включаться в новые меняющиеся условия окружающей среды [6].

По мнению С.Т. Посоховой [15], адаптационный потенциал – это «интегральное образование, которое объединяет социально-психологические, психические, биологические свойства, актуализируемые личностью с целью создания и реализации новых программ поведения в измененных условиях жизнедеятельности».

А.Г. Маклаков, С.Т. Посохова [8; 9; 15]: считают, что адаптационный потенциал – это «базовая индивидуальная характеристика, качественно характеризующая уровень личностной зрелости». Он отражает меру преодоления личностью заданных обстоятельств и преодоление личностью самой себя, а также меру прилагаемых ею усилий по работе над собой и над обстоятельствами собственной жизни.

А.Г. Маклаковым [8] было введено понятие, которое характеризует адаптационные способности человека – личностный адаптационный потенциал (ЛАП), под которым он понимал интегральную характеристику психического развития, в которой существует взаимосвязь психологических особенностей личности, от которых зависит эффективность ее адаптации и сохранность профессионального здоровья. Охарактеризовать личностный адаптационный потенциал можно через оценку следующих параметров:

- 1) *уровень поведенческой регуляции,*
- 2) *коммуникативный потенциал,*
- 3) *уровень моральной нормативности.*

По мнению А.Г. Маклакова [8], адаптационные способности тесно взаимосвязаны с уровнем развития психологических характеристик личности, которые наибольшее значение имеют для регуляции жизнедеятельности. То есть чем

более развиты такие характеристики как экстраверсия, эмоциональная устойчивость, тем более вероятна успешная адаптация, соответственно, тем шире охват факторов внешней среды, к которым человек может адаптироваться [7].

Адаптивность как свойство личности может быть определена двумя типами ее реакций на факторы среды [5]:

1) принятием и адекватной реакцией на социальные ожидания, в этом случае адаптивность проявляется в конформности к общественным нормам и требованиям;

2) гибкостью и эффективностью при столкновении с непривычными условиями, в том числе, опасными.

В таком смысле адаптация указывает на то, что человек эффективно использует создавшиеся условия с целью осуществления собственных целей, ценностей и стремлений.

Проблема социально-психологической дезадаптации является общей в отношении всех видов отклоняющегося поведения у подростков. Следует отметить, что явления дезадаптации подростков могут быть вызваны различными причинами: трудновоспитуемостью, педагогической и социальной запущенностью, безнадзорностью, недисциплинированностью, неуспеваемостью, девиантностью, деленквентностью и т.д. [12].

Анализ социально – психологической дезадаптации подростков невозможен без описания факторов нарушений воспитания. На ранних этапах онтогенеза наиболее деструктивным вариантом родительского отношения является материнская депривация ребенка (Д. Боулби, З. Матейчек, А. Фрейд, Ц.П. Короленко и другие), фрустрация базовых потребностей подростка. Если подросток недополучает материнского тепла, заботы у него не формируется надежная привязанность значимым объектам, реальность воспринимается как враждебная (нарушение аттачмента) Наиболее значимым нарушением воспитания в семьях подростков с асоциальным поведением является гипер и гипопротекция родительского воспитания [3].

Цель настоящего исследования *изучить личностные и поведенческие особенности подростков, испытывающих трудности в социальной адаптации в контексте родительского воспитания.*

В констатирующем эксперименте приняли участие 76 подростков из специальной общеобразовательной школы №27 для подростков с девиантным поведением города Н. Новгорода. Данные подростки составили экспериментальную группу (ЭГ). *Поведенческие особенности подростков экспериментальной группы отражают девиантные проявления социальной дезадаптации в виде: эмоциональной неустойчивости, пропусков школьных занятий, побегов из дома, эпизодического употребления ПАВ, агрессивного поведения в отношении сверстников.*

Контрольную группу (КГ) составили подростки в количестве 66 человек средней общеобразовательной школы №187. Критериями отбора подростков контрольной группы явились социальная и коммуникативная компетентность.

На первом этапе изучались личностные особенности (структура самооотношения, самооценка) подростков. В качестве диагностического инструментария были использованы: опросник самооотношения В.В. Столина, методика изучения персональной идентичности подростков С. Хартер, (в модификации Н.К. Радиной и Е.Ю. Терешенковой.) [18]

Методика исследования самооотношения В.В. Столина включает в себя когнитивный компонент самооотношения, представленный шкалой самоуважения, самоинтереса, самопонимания. Эмоциональный компонент самооотношения в методике выражен шкалами аутосимпатии, самопринятия. Шкала ожидания положительного отношения других является ключевой в исследовании зеркального «Я» испытуемого. Совокупность частных самооценок исследовалась по методике С. Хартер, опросник содержит девять шкал (школьная компетентность, социальное принятие, атлетическая компетентность, физическая форма, профессиональная компетентность, романтическое влечение, поведение, близкие дружеские отношения, глобальная самооценка) [18].

На втором этапе исследовалось отношение подростков к семейному воспитанию по методике «Взаимоотношения ребенка и родителя» (ВРР) И. М. Марковской. В методике представлены 10 шкал (нетребовательность-требовательность, мягкость-строгость, автономия-контроль, дистанция-близость, отвержение-принятие, отсутствие сотрудничества-сотрудничество, несогласие-согласие, непоследовательность-последовательность, авторитетность родителя и удовлетворенность отношениями с родителем) [10].

Обратимся к полученным результатам. Показатели интегрального отношения к себе 16% подростков ЭГ демонстрируют низкие результаты, для контрольной группы низкие показатели не являются специфичными (3%). Для оценки статистической достоверности различий использовался коэффициент углового преобразования Фишера. Различия по показателю интегрального отношения к себе являются статистически значимыми ($2,779 \leq 0,01$). Наиболее значимые различия получены по показателям когнитивного отношения к себе, показателям «зеркального Я». По показателям самооотношения различия ЭГ и КГ значимые ($4,82 \leq 0,01$), ожидания положительного отношения, отношения других ($5,133 \leq 0,01$), саморуководства ($2,646 \leq 0,01$), самоуверенности ($2,021 \leq 0,05$), самопринятия ($2,79 \leq 0,01$), саморуководства ($2,646 \leq 0,01$), самоинтереса ($1,73 \leq 0,05$), самопонимания ($2,88 \leq 0,01$). Различия по шкале аутосимпатии при этом не являются статистически значимыми, тем не менее 33% подростков ЭГ демонстрируют низкие показатели, в контрольной группе 25%. Тем не менее значимыми являются различия показателей самопринятия. Самопринятие, по сути, близко к аутосимпатии и является компонентом аффективного блока самооотношения. Таким образом, можно констатировать нарушения преимущественно когнитивных компонентов самооотношения, частично аффективных. Выражены нарушения со стороны оценок других и соответственно структур «зеркального Я». В связи с низким самоинтересом снижено понимание своего Я. Отношение к себе у подростков ЭГ поверхностное, собственные поступки и влечения им не понятны. Более того они не осознают необходимости глубокого самоанализа и не верят в возможность саморегуляции и самоконтроля.

Низкие показатели по шкале саморегулирования в данном контексте являются следствием. Бытие данных подростков, в сущности, является импульсивным. Когнитивные и аффективные структуры регуляции находятся в дисбалансе. Импульсивные эмоции не регулируются когнициями, внутренний диалог подвержен эмоциональным влияниям и не регулируется мышлением. Закономерным следствием является нарушение отношений с другими людьми. Они не понимают себя и не считают себя способными понимать других людей. Следствием являются незрелые, инфантильные и аффективные отношения, выстраиваемые с окружающими. Это и является причиной всех бед в выстраиваемых отношениях, от необузданных влюбленностей до жгучей ненависти. Н.Р. Сидоров справедливо отмечал, что поведение девиантных подростков не регулируется сознанием, высшим уровнем их регуляции является «оречевленная рассудочность». Они ориентированы на гедонистические цели при отсутствии планирования, антиципации (В.Д. Менделевич). Следовательно, у подростков ЭГ наблюдается дисбаланс на всех уровнях личностной организации.

Перейдем к исследованию частных самооценок у подростков по результатам методики С. Хартер. Статистический анализ различий проведен с помощью коэффициента углового преобразования Фишера. У подростков (ЭГ) сниженными по сравнению с контрольной группой являются, прежде всего, показатели школьной компетентности ($2,452 \leq 0,01$). Данные результаты закономерны в связи со сниженной академической успеваемостью у подростков ЭГ. Так же значительно отличаются показатели атлетической компетентности подростков ЭГ с по сравнению с контрольной группой ($1,877 \leq 0,05$). Атлетическое развитие требует планомерных, целенаправленных действий. Вероятно, подростки ЭГ не вполне способны к целенаправленным волевым действиям. На наш взгляд это в большей степени относится к неустойчивым и истероидным подросткам, в меньшей степени к гипертимным и эпилептоидным. У подростков ЭГ снижена компетентность в плане установления близких дружеских отношений. Статистические различия с группой адаптивных подростков составляет $1,657 \leq 0,05$. Уровень значимости различий показателя дружеских отношений умеренный на

уровне тенденции. Отношения с окружающими выстраиваются на уровне «оречивленной рассудочности» в противовес выстраиванию сознательных отношений. Сниженный интерес к себе, определяет снижение интереса к другим. Следствием является сниженное самопонимание и понимание другого человека. Нам представляется правомерным сравнение отношения к себе как к другому. По своей сути различия лишь в направленности выстраиваемых отношений, внутреннего диалога. При незрелых когнитивных структурах анализ другого будет отражать те же особенности что и самоанализ.

Далее общая выборка подростков ЭГ нами была разделена на 4 подгруппы: без нарушений самоуважения и аутосимпатии (отсутствие когнитивных и аффективных компонентов самоотношения), нарушения самоуважения (преимущественно когнитивные нарушения), нарушения аутосимпатии (преимущественно аффективные нарушения), сочетанные нарушения самоуважения и аутосимпатии). Данное разделение предпринято в связи с выделением эмоциональных и когнитивных полюсов самоотношения в концепции В.В. Столина, С.Р. Пантелеева. Следует отметить, что в нашем исследовании выявлены интеркорреляции самоуважения и аутосимпатии в контрольной группе 0,635 ($> 0,01$) и отсутствие подобных связей в экспериментальной. Следовательно, в норме самоуважение и аутосимпатия представляют собой структурное единство, коего не наблюдается в ЭГ подростков. На наш взгляд это связано с нарушением аттачмента на ранних периодах развития у подростков ЭГ. То есть из-за нехватки материнского принятия на ранних периодах развития (до года согласно Д. Боулби, Ц.П. Короленко, М. Кляйн и других) самоотношение формируется как нецелостное, фрагментарное. Мы исходим из того, что аутосимпатия является глубинным компонентом самоотношения и связано с ранними эмоциональными отношениями ребенка.

Проанализировав четыре подгруппы подростков ЭГ проведя анализ медицинской и реабилитационной документации, сопоставления данных констатирующего эксперимента, а также метод экспертных оценок педагогов было выявлено:

1. В группе сочетанных нарушений аффективного и когнитивного блоков самоотношения наблюдаются самые тяжелые нарушения поведения, при этом 100% подростков данной группы остро переживает чувство вины. Они в меньшей степени ожидают положительного отношения от окружающих (92% по методике исследования самоотношения) и менее самоуверенны чем все другие подгруппы (92% низких результатов по методике самоотношения). Данные подростки не компетентны ни в учебной ($U_{эмп} = 78,5 < 0,01$ при $U_{крит} = 112$ по Манна-Уитни) ни в атлетической деятельности по сравнению с контрольной группой ($109 < 0,05$ при тех же критических значениях). Ресурсов просоциального развития в данной подгруппе фактически нет, педагоги отмечают наибольшую склонность данных подростков к употреблению ПАВ.

2. Подгруппа нарушений самоуважения является наиболее многочисленной у них наиболее выражены нарушения саморуководства, самоинтереса и самопонимания. Так же у них выражено снижение школьной компетентности ($U_{эмп.} = 120 < 0,01$ Манна-Уитни по сравнению с КГ). При этом у подростков данной подгруппы отмечаются высокие показатели по шкале профессиональной компетентности (методика С. Хартер), что свидетельствует о компенсаторном потенциале данных подростков. Экспертные оценки педагогов более благоприятны по сравнению с предыдущей подгруппой, тем не менее, у них отмечается умеренная склонность к употреблению ПАВ.

3. В подгруппе нарушений аутосимпатии снижены результаты самопринятия и самопонимания (вероятно, связано с дезинтеграцией когнитивных и аффективных систем, при преобладании аффективных). При этом отмечается компенсация за счет сохранной школьной и атлетической компетентности, так как отсутствуют статистически различия по данным показателям с КГ. Подростки данной подгруппы более вспыльчивы по оценкам педагогов.

4. Подгруппа с отсутствием нарушений аффективного и когнитивного компонентов самоотношения отличается снижением показателей самоинтереса и низким самообвинением. В данной подгруппе крайне гетерогенные показатели, что затрудняет статистический и качественный анализ.

Исходя из приведенных данных подростки с сочетанными нарушениями являются наиболее «трудными» во всех отношениях, а также наиболее предрасположенными к употреблению ПАВ. Подростки со сниженным самоуважением более компенсированы, но так же представляют собой крайне проблемную группу. У них нарушено когнитивное восприятие себя и окружающих, что затрудняет адекватную адаптацию. Подростки из подгруппы нарушений ауто-симпатии наиболее компенсированы в учебной и спортивной деятельности, но обладают стойкой возбудимостью и склонностью к агрессии.

Следующим этапом было проведение факторного анализа. Всего в экспериментальной группе было выделено 4 фактора: фактор самоуважения, ауто-симпатии, самоинтереса и самообвинения. В контрольной группе, в результате факторного анализа, были получены иные результаты. Что свидетельствует, о выраженном отличие не только статистических данных, а прежде всего о различиях в специфике восприятия своего Я у подростков в экспериментальной и контрольной группах. Далее приведен обобщенный анализ полученных данных, описаны основные различия показателей в ЭГ и КГ.

В контрольной группе (социально адаптивные) отмечается больше статистически значимых связей структуры самоотношения со шкалами компетентности. Самоуважение значимо связано с показателями школьной и атлетической компетенции, с компетенцией в установлении дружеских отношений.

Самоуважение подростков экспериментальной группы отрицательно коррелирует с непоследовательностью как отца (-0,57), так и матери (-0,53). Самоуважение подростков развивается в условиях сниженной требовательности и мягкости со стороны родителей (мать -0,43, отец -0,41). В данных семьях снижена система требований и запретов по отношению к ребенку, воспитательная позиция родителя в данных условиях неэффективна. При данных условиях самоуважение, самоуверенность подростка не имеет устойчивых основ в виде состояний успеха в основных просоциальных деятельности. Отсутствие связей между самоуважением и просоциальными компетенциями подростка с СПД свидетельствует о необходимости компенсации ценностного отношения к себе

в альтернативных (по сравнению с подростками из КГ) сферах деятельности подростков. Девиантная группа дает подростку с СПД временный компенсаторный потенциал, за счет приобщения к группе, переориентации на ценности девиантной субкультуры, статуса и уважения в кругу девиантных товарищей.

На аутосимпатию в экспериментальной группе влияет фактор принятия родителя (матери 0,73, отца 0,46) и последовательности родителя (матери 0,71, отца 0,52). Условиями формирования высокой аутосимпатии является принятие и последовательность матери. Фактор связан с самоинтересом (0,45), самопониманием (0,47). Обнаружена отрицательная связь со шкалой школьной компетентности (-0,44).

Фактор самоинтереса в экспериментальной группе связан с показателями школьной компетентности (0,46) и множественными связями с показателями родительского воспитания. Показатели материнского воспитания, связанные с данным фактором следующие: требовательность (0,66), строгость (0,47), контроль (0,70), эмоциональная близость (0,48), авторитетность (0,60), сотрудничество с ребенком (0,72). Условно говоря, для развития у социально – дезадаптивного подростка самоинтереса, со стороны матери требуется наличие баланса авторитетности, твердости, а также близости с ребенком и сотрудничества. Показатели отцовского воспитания аналогичны материнским.

Фактор самообвинения характеризуется выраженной связью с показателями отношения окружающих (0,46), социального принятия (0,41), профессиональной компетентности (0,48). Данный фактор имеет сложную и противоречивую взаимосвязь показателей, при этом только фактор самообвинения в экспериментальной группе имеет связи с подростковыми компетенциями, в частности профессиональной компетентностью и романтической компетентностью.

У подростков контрольной группы когнитивный и аффективный блоки самооотношения выражены в одном факторе: у них отмечается высокий уровень самопонимания, высокое самопринятие и уверенность в себе. Связи самооотношения с показателями подростковых компетенций следующие: со шкалой социального принятия, атлетической компетентности, физической формы, роман-

тического влечения, близких дружеских отношений, глобальной самооценки. Данные подростки успешны во всех основных «подростковых» видах деятельности: они спортивные, у них есть близкие друзья, они компетентны в отношениях с противоположным полом.

В контрольной группе у подростков выражены типы воспитания, стимулирующие развитие компетентности в школьных и внешкольных деятельности, такие как требовательность, контроль, принятие, сотрудничество. В экспериментальной данные особенности воспитания не наблюдаются, а непоследовательность, мягкость, нетребовательность родителя искажают формирование зрелого самоотношения. Данные типы воспитания не способствуют развитию ресурсных деятельностей и не препятствуют асоциальной деятельности, которая компенсирует дефицитное самоуважение [4].

Основываясь на приведенных аналитических и эмпирических данных, можно сформулировать рекомендации по коррекции асоциального поведения у подростков. Л.С. Выготский отмечал, что коррекционную работу нужно начинать на ранних этапах развития ребенка. Вторичные дефекты гораздо оказывают большее деструктивное воздействие на психику ребенка. При условии развития первичной системы выявления эмоциональных и когнитивных нарушений у детей необходимой является нейропсихологическая коррекция нарушений развития у ребенка. При ранней компенсации расстройств развития формирование девиаций минимизируется. При сформировавшихся девиациях наиболее актуальной является работа с семьей как целостной системой. Психологическая работа с семьями девиантных подростков обязательно должна включать в себя работу по выявлению ресурсов развития личности подростка, а также семейных ресурсов, способствующих формированию его позитивного самоуважения.

Список литературы

1. Алмазов Б.Н. Средовая адаптация и социальная поддержка в процессе воспитания / Б.Н. Алмазов, Б.Ф. Семенов // Социальная педагогика. – Свердловск: Ур. университет, 1989. – С. 63–121.

2. Балл Г.А. Понятие адаптации и его значение для психологии личности [Текст] / Г.А. Балл // Вопросы психологии. – 1989. – №1. – С. 92–100
3. Барсуков А.В. Проблема генеза самоотношения подростков с асоциальным поведением / А.В. Барсуков, Т.В. Маркелова // Проблемы современного педагогического образования. – 2017. – №56.4. – С. 338–347.
4. Барсуков А.В. Влияние типов семейного воспитания на формирование самоотношения у подростков с асоциальным поведением [Текст]: дис. ... канд. психол. наук. – Н. Новгород: 2011. – 189 с.
5. Блинова М.Л. Адаптационный потенциал: психологическая характеристика понятия [Текст] / М.Л. Блинова // Психологическое сопровождения образования: теория и практика: сборник статей по материал V Международной научно-практической конференции (Йошкар-Ола, 24–26 декабря, 2014). – С. 103–112.
6. Деркач А.А. Профессионализм деятельности в особых и экстремальных условиях [Текст] / А.А. Деркач, В.Г. Зазыкин. – М.: РАГС, 2011. – 354 с.
7. Дунаева Н.И. Изучение адаптационных способностей военнослужащих по призыву / Н.И. Дунаева, Т.В. Маркелова, Ж.А. Шуткина // Проблемы современного педагогического образования. – 2018. – Т. 1., №58. – С. 335–337.
8. Маклаков А.Г. Личностный адаптационный потенциал: его мобилизация и прогнозирование в экстремальных условиях [Текст] / А.Г. Маклаков // Психологический журнал. – 2001. – Т. 22. – №1. – С. 16–24.
9. Маклаков А.Г. Основы психологического обеспечения профессионального здоровья военнослужащих [Текст]: дис. ... д-ра психол. наук. – СПб., 1996.
10. Марковская И.М. Тренинг взаимодействия родителей с детьми / И.М. Марковская. – М.; СПб.: Речь, 2005. – 150 с.
11. Мельникова Н.Н. Адаптивные свойства личности: проблемы изучения [Текст] / Н.Н. Мельникова // Социальная психология сегодня: наука и практика: материалы Межвузовской научно-практической конференции 15 июня 2006 года / под ред. Б.Д. Парыгина. – СПб.: СПбГУП, 2006. – С. 94–97.

12. Молодцова Т.Д. Основные виды и типы подростковой дезадаптации / Т.Д. Молодцова // Концепт. – 2013. – №05 (май). – ART 13099. – 0,5 п. л. – URL: <http://ekconcept.ru/2013/13099.htm>
13. Налчаджян А.А. Психологическая адаптация. Механизмы и стратегии [Текст] / А.А. Налчаджян. – 2-е изд. – М.: ЭКСМО. 2010. – 368 с.
14. Налчаджян А.А. Социально-психологическая адаптация личности (формы и стратегии) [Текст] / А.А. Налчаджян. – Ереван, 2008. – 264 с.
15. Посохова С.Т. Психология адаптирующейся личности: субъектный подход [Текст]: дисс. ... д-ра. психол. наук. – СПб., 2001. – 393 с.
16. Предупреждение педагогической запущенности и правонарушений школьников / под ред. М. А. Алемаскина. – М.: Педагогика, 1980. – 169 с.
17. Психоанализ и культура / сост. С.Я. Левит. – М.: Юрист, 1995. – 623 с.
18. Радина Н.К. Личностный опросник Хартер для изучения персональной идентичности подростка / Н.К. Радина, Е.Ю. Терешенкова // Психология и школа. – 2006. – №4. – 3 – 20 с.
19. Селье Г. Стресс без дистресса [Текст] / Г. Селье. – М.: Прогресс, 2011. – 125 с.
20. Симаева И.Н. Психология адаптации личности к изменениям жизнедеятельности: автореф. дис... д-ра. психол. наук: 19.00.01 [Текст] / И.Н. Симаева; РГПУ им. А.И. Герцена. – СПб., 2006. – 42 с.
21. Тюрина Н.В. Понятие адаптации в современной психологии [Текст] / Н.В. Тюрина // Вестник АГТУ. – 2007. – №5 (40). – С. 152–157.
22. Шутова Н.В. Экспериментальное исследование механизмов агрессивного поведения слабослышащих подростков в условиях дизонтогенеза / Н.В. Шутова, Ю.М. Баранова // Психология XXI века: вызовы, поиски, векторы развития: Сборник статей по материалам всероссийского симпозиума психологов с международным участием. – Рязань, 2020. – С. 523–531.

Шутова Наталья Вадимовна – д-р. психол. наук, профессор, ФГАОУ ВО «Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского», Россия, Нижний Новгород

Шуткина Жанна Александровна – канд. психол. наук, доцент, ФГАОУ ВО «Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского», Россия, Нижний Новгород

Барсуков Александр Валерьевич – канд. психол. наук, доцент, ФГАОУ ВО «Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского», Россия, Нижний Новгород